

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
О ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ

Читайте романы
ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВОЙ
в серии
«Анастасия. Исторический детектив о Великой княжне»

Тайна мертвой царевны
Загадка воскресшей царевны
Проклятие безумной царевны

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ПРОКЛЯТИЕ
БЕЗУМНОЙ
ЦАРЕВНЫ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *А. Кудрявцева*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Проклятие безумной царевны : [роман] / Елена Арсеньева. – Москва : Эксмо, 2018. – 352 с. – (Анастасия. Исторический детектив о Великой княжне).

ISBN 978-5-04-097708-6

Несколько десятков лет в Казанской психиатрической больнице содержалась женщина, уверявшая, что она – чудом спасаяся великая княжна Анастасия Романова. У нее имелись немалые основания верить в это! Хотя она и не подозревала, что стала всего лишь пешкой в игре тех, кто осуществлял охрану императора Николая II и его семьи. Но «пешка» была живым человеком, со своими страстями, любовью и ненавистью, которые в конце концов и привели ее на путь страданий, почти таких же, которые довелось испытать подлинной Анастасии Романовой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097708-6

© Арсеньева Е.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Никто никогда не узнает,
что мы сделали с ними.

П. Л. Войков,
член Уральского губернского совета,
1918 год

От автора

Судьба детей последнего русского императора всегда будет порождать множество догадок и домыслов хотя бы потому, что слишком велика в нас вера в чудо, надежда на спасение невинно пострадавших девушек и их младшего брата. Именно поэтому так много появлялось людей, с большим или меньшим успехом выдававших себя то за одного, то за другого. Исследователи и историки до сих пор спорят — и никогда, похоже, не придут к единому мнению! — была ли хотя бы крупница правды в словах этих самозванцев и самозванок.

Кому-то кажется странным, что самой популярной оказалась среди самозванок личность великой княжны Анастасии Николаевны. На самом деле для этого есть как минимум две причины: явная подтасовка фактов во время поисков останков семьи императора и факт бегства Анастасии... то ли из Екатеринбурга, то ли, по другим документам, из Перми.

Среди множества женщин, выдававших себя за великую княжну Анастасию Николаевну, особое внимание привлекают три. Это Наталья Билиходзе, Анна Андерсон и Надежда Иванова-Васильева. Эти книги — попытки исследовать их судьбы, рассказать о том известном и неизвестном, что так волнует воображение людей, преисполненных сочувствия к юной великой княжне и горячей веры в воскресение «мертвой царевны».

Что горит во мгле?
Что кипит в котле?

А. Пушкин

Россия, Россия, Россия!
Безумствуй, сжигая меня!

А. Бельй

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАДЕЖДА

Пролог

Казанская СПБ¹, 1960 год

Ласковый шепот шелестит над ухом и прерывает полусон:

— Доброе утро, ваше высочество. Благоволите пробудиться, пора вставать...

— Кто это? — тихонько спрашивает Анастасия Николаевна.

— Это я, ваша фрейлина Валерия Михеева, ваше императорское высочество! Вас ждут в тронном зале. Извольте вставать!

Громко скрипит дверь, и раздается пронзительный голос:

— Подъем, психи, подъем! Шевелитесь, уроды! Михеева, ты чего тут топчешься? А, наша царевна не хочет глазки продрать да пойти умыться? Ничего, сейчас я ее умою!

Медлить нельзя. Иначе ведро ледяной воды, которое принесено специально для такого случая, будет выплес-

¹ СПБ — Специальная психиатрическая больница. *Здесь и далее прим. автора.*

нуто на Анастасию Николаевну, в ее постель, и тогда придется спать на сыром, потому что поменять белье никто из санитаров и не подумает. Такое уже происходило дважды, поэтому добрейшая Валерия Сергеевна и норочит разбудить великую княжну до того, как ворвется эта ненормальная санитарка Валерьянова и начнет наводить порядок.

Анастасия Николаевна резко открывает глаза, поднимает голову:

— Доброе утро, Виктор Валерьяныч.

— О! Совсем спятила наша царевна! — с удовольствием сообщает санитарка всей палате. — Или заспала, что меня Клавдией зовут? Клавдией Павловной? А фамилия — Валерьянова!

— Видите ли, Клавдия Павловна, — говорит Анастасия Николаевна чрезвычайно вежливо, — вы до такой степени напоминаете мне одного гражданина, который некогда проживал в Симферополе, что я вас иногда путаю.

— И как же это возможно — мужчину с женщиной перепутать? — хохочет Клавдия, которую хлебом не корми, только дай над чем-нибудь похохотать.

У нее это называется — поржать. Ржет она, как правило, оскорбляя или причиняя боль. Анастасия Николаевна, конечно, удивлялась бы ее самозабвенной зверо-жестокости, если бы не навидалась в своей жизни великого множества таких, как она. Причем почему-то именно в психиатрических лечебницах. С другой стороны, как раз в этих лечебницах и прошла большая часть ее жизни, от восемнадцати лет до... сколько ей теперь? Который нынче год от рождества Христова?

Впрочем, это неважно.

Анастасия Николаевна поднимается, всовывает ноги в разношенные тапки, надевает халат и отходит подальше

от кровати. Теперь, если Клавдия все же решит плеснуть в нее холодной водой, постель останется сухой!

— А вы попытайтесь вообразить, вас можно перепутать с этим гражданином, — говорит Анастасия Николаевна мягко.

Воображение у Клавдии отсутствует как таковое. Его забыли втемяшить в эту круглую, как бильярдный шар, словно бы на токарном станке выточенную, головенку с жидкими белобрысыми волосиками, когда с усилием впихнули туда некоторое количество мозга. Воображение ей заменяет тупая, неудержимая жестокость.

Удивительно ли, что Клавдия стала санитаркой именно в психиатрической лечебнице? Вполне можно допустить, что она понимает, что и сама психически ненормальна. Легко допустить, что она тайком таскает предназначенные для успокоения особо буйных таблетки и глотает их втихомолку, чтобы самой окончательно не слететь с катушек. Ах, как бы Анастасии Николаевне хотелось подтолкнуть Клавдию, чтобы все-таки слетела, да и продолжала лететь, как сказал бы Митя Карамазов, головой вниз и вверх пятами! Такой «полет», окажись его свидетелем кто-нибудь из больничного начальства, мог бы положить конец карьере этой человеконенавистницы. Скажем, ее выгнали бы вон и таким образом прекратили ее издевательства над беззащитными людьми...

И тут, словно Господь, наконец, решил внять хоть одной из молитв Анастасии Николаевны, она краем глаза замечает: в палате, среди броуновского движения линиялых пижам (больные, проснувшись, бредут в уборную или в умывалку, а некоторые уже возвращаются оттуда), возникает белоснежный докторский халат.

Чудеса! Повезло необычайно, ибо палату навестил сам начальник отделения Зосимов. У него всегда к лицу прико-

лочена деревянная маска профессионального внимания, хотя, по сути дела, он глубоко равнодушен ко всем больным, от буйного Филиппова до тишайшей и безобиднейшей «фрейлины Михеевой», от «Пещерного льва» (есть тут один такой старикашка, который считает, что он — лев из книги Жозефа Рони-старшего «Пещерный лев») до чудом спасшейся великой княжны Анастасии Николаевны Романовой. Но Зосимов хотя бы не получает удовольствия от жестокости и всегда одергивает санитаров и санитарок, если те чрезмерно распускают руки или языки.

Клавдия стоит к нему спиной, она его не видит. Теперь надо успеть «столкнуть» ее раньше, чем рамолик Файберг заблажит: «Здравия желаем, товарищ начальник!» — и ставит ее обернуться.

— Дело в том, Клавдия Павловна, — снова говорит Анастасия Николаевна со всей возможной любезностью, — что упомянутый Виктор Валерьяныч Павлов — вот видите, даже ваши отчества и фамилии похожи! — забавлялся тем, что заставлял больных избивать друг друга. А того, кто отказывался, избивал сам до полусмерти. Его выгнали из больницы, где он таким образом «развлекался», и он сделался доносчиком. Выдал прекрасного доктора Лаврентьева, которого расстреляли за участие в выдуманном контрреволюционном заговоре. Он был садистом, этот так называемый санитар. А вы тоже наслаждаетесь издевательствами над больными и беспомощными людьми. Вы тоже садистка, как и Валерьяныч! Вам бы в концлагере фашистском карьеру делать!

Глаза Клавдии, обычно издевательски прищуренные, едва не лезут из орбит. Рот разинут. И вот происходит то, чего следовало ожидать! Клавдия взмахивает ведром — и поток ледяной воды обрушивается на Анастасию Николаевну. Дыхание перехватывает... На счастье, она успевает

ПРОКЛЯТИЕ БЕЗУМНОЙ ЦАРЕВНЫ

отвернуться, поэтому удар приходится в спину. Правда, на ногах удержаться не удается — Анастасия Николаевна валится на колени и не успевает подняться: Клавдия бьет ее ведром по голове и орет:

— Капец тебе, царевна!

До Анастасии Николаевны долетает резкий голос Зосимова:

— Отойдите от нее! Прекратите немедленно, Павлова! Чтобы я вас больше здесь не видел!

Мысли мутятся. Больно, ох как же больно Клавдия ее ударила... эта боль словно бы пробивает мозг насквозь, и Анастасия Николаевна летит, летит в черную бездну... она уже не понимает, не помнит того, что гравировалось в ее памяти последними мучительными годами, но с поразительной точностью поднимается из темноты забвения все то, что она знала о себе раньше, в юности, и что однажды забыла, как ей казалось, навеки!